Гизетти, А.
Борьба
со старым
прав-м-.
Пг., 1917.
692.39

ИФЛ—Библиотека
ГИ46
Г445

...ный Университетъ имени Л. И. Лутугина.

Лекціи, читанныя на курсахъ для агитаторовъ.

ГИ 46
Г 445 р

А. ГИЗЕТТИ.

БОРЬБА СО СТАРЫМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

и

переворотъ 27 февраля 1917 года.

Цѣна 40 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Н. Я. Дурнякина, Б. Зеленина, 29.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ46
Г445 Р
69239

А. ГИЗЕТТИ.

БОРЬБА СО СТАРЫМЪ ПОРЯДКОМЪ

и

ПЕРЕВОРОТЪ 27 ФЕВРАЛЯ 1917 года.

ЛЕКЦІЯ I.

I.

Великій переворотъ въ русской жизни совершился быстро и неожиданно, но если мы оглянемся назадъ, въ прошлое, то увидимъ, что этотъ «неожиданный» переворотъ только заключительная глава въ длинной исторіи освободительнаго движенія, что онъ завоеванъ не только сравнительно немногими жертвами, погибшими въ послѣднюю революцію, а жизнью многихъ поколѣній борцовъ за свободу.

Трудно сказать, когда началась въ Россіи борьба за свободу,—уже болѣе ста лѣтъ длится она почти непрерывно, но раньше это были лишь отдѣльныя попытки выдающихся личностей, или небольшихъ кружковъ, не имѣвшихъ еще опоры въ широкихъ массахъ. Только въ 1905 г. движеніе захватило широкія массы; оно было раздавлено, но не уничтожено, оно перешло въ подполье, продолжало невидимо расти и наконецъ захватило армію, войско, что и обезпечило побѣду. И въ болѣе давнія времена народъ велъ борьбу, поднимался, когда особенно трудно было жить, вставалъ противъ своихъ угнетателей въ народныхъ бунтахъ—таковы были возстанія Разина и Пугачева, но народъ былъ тогда теменъ, невѣжественъ и это невѣжество русскаго народа было главной силой царской, правительственной власти [1]). Тѣ, кто получали образованіе, кто могли сознательно поставить передъ собой опредѣленную цѣль—это были люди богатые, знать, дворянство, не думали о благѣ народа, не думали еще объ измѣненіи

[1]) См. книги Фирсова «Разиновщина» и «Пугачевщина» изд. Вольфа.

порядка и считали, что можно только давать совѣты царямъ, но не бороться съ царской властью. Такъ было при Петрѣ и его преемникахъ; даже люди, вышедшіе изъ демократической среды, самоучки, какъ напр., ученый и поэтъ Ломоносовъ, считали царскую власть необходимой и дѣлались ея сотрудниками.

Но понемногу и среди дворянской интеллигенціи появились люди, понимавшіе, что царскую власть просить, ей совѣтовать безполезно, люди, которымъ свобода была дороже ихъ привеллигированнаго положенія. При Екатеринѣ II появились люди, открыто защищавшіе народъ. Время Екатерины было тяжелое время для народа, это—расцвѣтъ крѣпостного права. Крестьяне были не только прикрѣплены къ землѣ, они продавались въ розницу съ публичнаго торга. Помѣщики въ своихъ имѣніяхъ были цари, дѣлали что хотѣли, истязали крестьянъ. А крѣпостные были безправны; правда, законъ запрещалъ убивать крѣпостныхъ, но они все равно отстаивать своихъ правъ не могли, суды покровительствовали дворянамъ, взяточничество процвѣтало. Судъ велся негласно, письменно и крестьянину требовать тамъ защиты было не подъ силу. Это время было тяжелое не только для крестьянъ. И дворяне тогда не имѣли политическихъ правъ и они были рабами, холопами царской власти, хотя за это и имѣли права владѣть крестьянами, т. е. крестьяне были рабами рабовъ... Среди дворянъ были люди, хотѣвшіе получить политическія права, но раньше они думали только о правахъ для себя [2]).

Только къ концу царствованія Екатерины (въ концѣ XVIII вѣка) заговорили и о правахъ для всего народа. Большое вліяніе въ этомъ оказала Западная Европа, особенно Франція. Правительство посылало русскихъ людей, молодыхъ дворянъ учиться за границу, а тамъ они знакомились съ жизнью Западной Европы, читали сочиненія французскихъ мыслителей «просвѣтителей», говорившія о равенствѣ всѣхъ гражданъ, объ естественныхъ правахъ всѣхъ людей. Среди

[2]) Такъ напр. въ 1830 г. при вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, вельможи хотѣли ограничить ея власть Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Узнавъ объ этомъ остальное дворянство потребовало и для себя участія въ управленіи, произошли споры, большинство рѣшило подчиниться самодержавію. См. Милюковъ. Верховники и Шляхетство (въ книгѣ «Изъ исторіи русской интеллигенціи» и отдѣльно).

лицъ, посланныхъ учиться за границу былъ и истинный защитникъ правъ народа, тотъ, кого обыкновенно называютъ первымъ борцомъ за свободу—Александръ Николаевичъ Радищевъ. Подъ вліяніемъ французскихъ писателей онъ шелъ къ убѣжденію, что у человѣка есть естественныя права, что всѣ равны, что управлять государствомъ долженъ самъ народъ и т. д. Онъ попробывалъ было служить чиновникомъ и хотѣлъ быть въ такой должности защитникомъ народа. Скоро ему пришлось уйти со службы и онъ занялся литературнымъ творчествомъ. Въ 1790 году онъ издалъ книгу; «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ ней подъ видомъ путевыхъ впечатлѣній, онъ изображетъ жизнь русской деревни, даетъ рядъ картинъ, показывающихъ произволъ, жестокость, грубость помѣщиковъ и тяжелую жизнь крестьянъ. Наряду со сценами изъ деревенской жизни онъ помѣщаетъ свои размышленія о свободѣ печати, требуетъ уничтоженія цензуры, которая была оскорбительна для писателей, описываетъ невѣжество цензоровъ; онъ говоритъ о свободѣ вѣры («совѣсти»), наконецъ возстаетъ противъ царскаго самодержавія, которое, онъ говоритъ, не можетъ быть полезно народу. Онъ считалъ, что правитель получаетъ свою власть по договору съ народомъ, которому онъ долженъ служить и, если правитель перестаетъ служить народу, дѣлается его врагомъ, то народъ можетъ его свергнуть. Екатерина была возмущена этой книгой. Радищевъ былъ арестованъ, его судили и приговорили къ смертной казни. По случаю мира съ Швеціей смертная казнь была замѣнена ссылкой въ Сибирь. Книга Радищева была уничтожена и до самого 1905 года запрещена. Судьба Радищева была очень тяжелая. При Павлѣ I онъ былъ возвращенъ изъ ссылки; при Александрѣ I даже былъ приглашенъ къ участію въ комиссіяхъ о государственномъ преобразованіи, но Радищевъ не могъ измѣнить своихъ убѣжденій и заговорилъ о коренныхъ реформахъ. Тогда ему намекнули, что могутъ снова отправить въ Сибирь, и Радищевъ измученный всей прежней жизнью, покончилъ съ собой [1]).

Другой защитникъ правъ народа, первый Шлиссельбургскій узникъ, Николай Ивановичъ Новиковъ пострадалъ за

[1]) О Радищевѣ см. брошюры: К. Левинъ, В. А. Мякотинъ («На зарѣ русской общественности»).

мирную просвѣтительную дѣятельность. Онъ понималъ, что народу нужно образованіе издавалъ, для него книги, открывалъ школы и въ своихъ «сатирическихъ» журналахъ осмѣивалъ помѣщиковъ и недостатки управленія. Оба эти дѣятеля не организовывали никакого заговора и пострадали только за правильное честное слово.

II.

Послѣ Екатерины наступило царствованіе Павла, который такъ притѣснялъ всѣхъ не только крестьянъ, но и дворянъ, ссылая своихъ придворныхъ за малѣйшую провинность, что вызвалъ къ себѣ всеобщую ненависть. Скоро жестокость и сумасбродство Павла дошли до невѣроятныхъ размѣровъ. Стало ясно, что императоръ ненормаленъ, и въ ночь на 11-е марта 1801 г. заговорщики-дворяне задушили Павла.

Правительство скрыло это отъ народа, объявили, что Павелъ умеръ отъ удара и только въ 1905 году разрѣшили писать правду [1]).

Убійство Павла придворными не облегчило положеніе народа, не дало ему свободы. При Александрѣ I народу лучше не стало. Правда, въ началѣ царствованія Александръ собиралъ комиссіи изъ дворянъ и чиновниковъ, которыя разрабатывали проекты переустройства государственнаго управленія въ соотвѣтствіи съ государственнымъ устройствомъ Западной Европы. Но эти преобразованія должны были дать нѣкоторыя права только дворянамъ, не улучшая положенія крестьянства. Даже Сперанскій, вышедшій до нѣкоторой степени изъ демократическихъ слоевъ, — онъ происходилъ изъ низшаго духовенства,—разрабатывалъ проектъ государственнаго устройства, который, ограничивалъ власть царя, но оставлялъ крестьянъ въ крѣпостной зависимости. Эта конституція давала право голоса только богатымъ, такъ какъ устанавливала высокій имущественный цензъ: выбирать въ парламентъ, который Сперанскій называлъ Государственной Думой, могли только люди состоятельные. Наряду съ Думой учреждался Государственный Совѣтъ, въ составъ котораго должны были входить только вельможи по назначенію царя; Совѣтъ былъ созданъ,

[1]) См. Брикнеръ. Смерть Павла I и сборникъ подъ заглавіемъ Цареубійство 11 марта 1801 г.

но Дума показалась царю революціоннымъ учрежденіемъ. Сперанскій былъ обвиненъ въ измѣнѣ и сосланъ. Александръ I совсѣмъ не хотѣлъ разставаться съ самодержавіемъ [2]). Въ 1812 году произошла тяжелая война съ Наполеономъ. «Сынъ революціи», бывшій генералъ революціонной арміи, поработилъ французскую свободу, сталъ деспотомъ и хотѣлъ завоевать другія страны. Побѣдить Наполеона могли только народы, а не цари; правители Европы это понимали, и обѣщали народамъ свободу за отраженіе врага. Но когда Наполеонъ былъ побѣжденъ и сосланъ на пустынный островъ, благодаря усиліямъ народовъ, и особенно геройству русскаго народа, правители собрались на конгрессъ въ Вѣнѣ и заключили «священный союзъ» который говорилъ, что они, правители, братья, а народъ—ихъ дѣти. Они дали обѣщаніе оказывать помощь другъ другу противъ народовъ, и это обѣщаніе явилось какъ бы круговой порукой царей въ защитѣ своихъ интересовъ отъ революціи.

Русскій народъ, вмѣсто ожидаемой свободы за свою защиту родины, получилъ знаменитыя военныя поселенія. Они были устроены по мысли царя, а главнымъ его помощникомъ былъ генералъ Аракчеевъ, который возбудилъ къ себѣ народную ненависть и память о которомъ живетъ въ народѣ до сихъ поръ въ пѣснѣ: «дороженьку березкой усадилъ, Матушку Россію кровью полилъ». Суровый режимъ «поселеній» вызвалъ возстанія въ нихъ, въ 1820 году былъ бунтъ и въ Семеновскомъ полку. Въ это время поднимается движеніе среди офицеровъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ. Во время Отечественной войны они побывали въ Европѣ и проникліись идеей свободы. Они основали тайное общество: «Союзъ Спасенія», преобразованное позже въ «Союзъ Благоденствія». Эти общества преслѣдовали раньше только просвѣтительныя цѣли: общія чтенія, бесѣды, разсужденія о смыслѣ жизни и т. п. Затѣмъ ихъ цѣлью стала борьба за политическія и соціальныя реформы. Сначала надѣялись провести эти реформы черезъ правительство, потомъ рѣшили дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Возникли два новыя общества: Сѣверное,

[2]) Однако только что присоединеннымъ къ Россіи областямъ Финляндіи и Царству Польскому пришлось дать автономію (самоуправленіе государственнаго типа съ отдѣльнымъ сеймомъ депутатовъ).

центръ котораго былъ въ Петербургѣ, и Южное, охватывавшее войска, стоявшія въ Черниговской и Кіевской губерніяхъ. Оба общества сходились въ томъ, что надо поднять войска, захватить власть, арестовать или убить Александра, учредить Временное Правительство и отмѣнить крѣпостное право, но въ вопросѣ о томъ, какъ устроить государство, общества не могли придти къ согласію. Никита Муравьевъ, представитель сѣвернаго общества, предлагалъ конституціонную монархію, выбирать въ парламенты могли только болѣе богатые. Это было отрицательной стороной его проекта. За то онъ шелъ впереди своего времени, предлагая внести широкое областное самоуправленіе и дать возможность самоопредѣленія всѣмъ народамъ Россіи. Вожди южнаго общества требовали республики. Ихъ вождь—Пестель въ «Русской Правдѣ» настаиваетъ на демократической республикѣ. Для крестьянъ онъ требуетъ не только свободы, но и земли, причемъ часть земли должна перейти въ ихъ личную собственность, другая часть составить государственный фондъ, и находиться въ общественномъ пользованіи. Послѣднее предлагалось въ избѣжаніе захвата большого количества земли отдѣльными лицами. Въ этой части своего проекта Пестель заглянулъ далеко впередъ. Его идея земельнаго преобразованія не устарѣла и до сихъ поръ. Но и въ его проектѣ была темная сторона: онъ былъ сторонникомъ сильной государственной власти, желѣзной централизаціи, передачи ея всецѣло въ руки выбранныхъ отъ народа для управленія *всей* Россіи; мѣстнаго самоуправленія Пестель не признавалъ. Онъ совсѣмъ не заботился о правахъ различныхъ національностей. Представители Сѣвернаго и Южнаго обществъ понимали, что имъ нужно придти къ соглашенію, но не могли сговориться; понимали они также, что нужно поднять возстаніе среди солдатъ, но не умѣли къ нимъ подойти. Солдаты ихъ мало понимали и плохо слушали. Между тѣмъ, имъ пришлось поторопиться съ возстаніемъ; Александрд I умеръ, его братъ Константинъ отказался отъ престола въ пользу третьяго брата Николая. Объ этомъ до послѣдней минуты почти никто не зналъ. Произошла смута. Одни войска присягали Константину, другія Николаю. Заговорщики рѣшили воспользоваться этой неурядицей и 14-го декабря 1825 года вывели на Дворцовую-Сенатскую площадь

войска. Но солдаты въ большинствѣ случаевъ не понимали, зачѣмъ ихъ ведутъ; все дѣлалось второпяхъ. Возставшихъ было мало, ихъ легко разогнали и разстрѣляли. Такъ же неудачно было и возстаніе Южнаго общества въ январѣ, которое тоже было разгромлено. Вожаковъ возстанія, «декабристовъ», Николай I-ый самъ судилъ, самъ допрашивалъ, дѣйствовалъ на однихъ угрозами, на другихъ какъ бы лаской, дѣлая видъ, что сочувствуетъ народу и хочетъ ввести преобразованія; и, когда многіе, повѣривъ ему, выдали товарищей, то онъ всѣхъ сослалъ на каторгу, а пятерыхъ главныхъ вожаковъ—Пестеля, Сергѣя Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина, поэта Рылѣева и Каховскаго велѣлъ повѣсить въ Петропавловской крѣпости. Такимъ образомъ, было подавлено первое возстаніе. Дворянство было перепугано столь крутыми мѣрами — цвѣтъ дворянства, его передовые люди были изъяты изъ общества. Оставшіеся были слабы и растеряны [1]).

III.

Наступило тяжелое время царствованія Николая I. Правительство преслѣдовало не только декабристовъ, но и ихъ женъ, невѣстъ, которымъ препятствовали раздѣлить участь мужей. Съ большой борьбой удалось нѣкоторымъ изъ нихъ пробраться къ мужьямъ на каторгу. Память о декабристахъ осталась, и они сами вѣрили, что пострадали недаромъ, что «изъ искры возгорится пламя». Правительство преслѣдовало всякую свободу мысли. Основы управленія были: православіе, самодержавіе и народность. Подъ «народностью» понимали сохраненіе старыхъ обычаевъ и порядковъ русскаго народа, въ томъ числѣ и крѣпостного права. А тѣхъ, кто протестовалъ или ссылали, или сдавали въ солдаты, какъ напр., поэта Полежаева, жизнь котораго была, такимъ образомъ, совер-

[1]) *Якушкинъ.* Декабристы, кто они были и чего хотѣли. *К. Левинъ.* Декабристы. *Довнаръ-Запольскій.* Идеалъ докабристовъ. *Семевскій.* Политическія и общественныя идеи декабристовъ. *Ивановъ-Разумникъ* Исторія русской общественной мысли т. I гл. 3. Декабристы. *Книга для чтенія по исторіи новаго времени* т. III (главы по русской исторіи).

шенно загублена и который умеръ совсѣмъ молодымъ. Другихъ объявляли сумасшедшими, какъ Чаадаева, осмѣлившагося критиковать русскую дѣйствительность. Даже величайшій русскій поэтъ, Пушкинъ, другъ декабристовъ, былъ подъ надзоромъ полиціи и его, такъ же, какъ и другого русскаго поэта Лермонтова постоянно притѣсняли и довели обоихъ до смерти на дуэляхъ. Третій великій писатель Гоголь, безпощадно изображавшій Николаевскую Россію (комедія «Ревизоръ», романъ «Мертвыя души») подъ конецъ жизни впалъ отъ тоски такой жизни въ религіозное помѣшательство, старался увѣрить себя, что въ Россіи порядки самые лучшіе, сжегъ свои сочиненія и уморилъ себя голодомъ. Россія была «международнымъ жандармомъ». Не только возставшіе въ 1830 году поляки были жестоко усмирены, но и въ Венгрію посылали русскія войска усмирять революцію. Но какъ ни налегалъ могильной плитой на Россію Николай I, свободной мысли онъ не могъ задушить, и она вышла изъ очаговъ науки, изъ университетовъ. Организовались кружки студенчества, учащейся молодежи, которые вначалѣ, какъ и общества декабристовъ, преслѣдовали только цѣли нравственнаго воспитанія и самоусовершенствованія, искали смысла жизни. Но потомъ и они увидѣли необходимость бороться за права обездоленнаго крестьянства, за свободу угнетеннаго народа. Въ этихъ студенческихъ кружкахъ были лучшіе русскіе писатели: Бѣлинскій, примкнувшій къ ученію соціализма, вѣрившій въ достиженіе царства труда, свободы и равенства; Герценъ, принужденный впослѣдствіи уѣхать за границу, и служившій родинѣ свободнымъ словомъ, профессоръ-историкъ Грановскій, рано умершій Станкевичъ и др. Позже (1849) образовался кружокъ подъ руководствомъ Петрашевскаго, (такъ называемые «Петрашевцы»). Къ нему принадлежали: Спѣшневъ, Дуровъ, Момбелли, Кашкинъ ,офицеръ, Черносвитовъ, извѣстные впослѣдствіи писатели, Достоевскій, Салтыковъ-Щедринъ и др. Петрашевцы были мечтатели-соціалисты, послѣдователи Фурье. Судъ осудилъ руководителей кружка на смерть, ихъ поставили уже подъ разстрѣлъ, и только тогда объявили царское помилованіе. Они были сосланы на каторгу. Эти минуты, проведенныя на эшафотѣ, запечатлѣлись у Достоевскаго душевнымъ надломомъ, придали болѣзненную жестокость его таланту. Во время

злополучной Крымской войны Николай I умеръ и передалъ Александру II государство въ полномъ разстройствѣ [2]).

IV.

Александръ II вынужденъ былъ предпринять рядъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшей было освобожденіе крестьянъ 19 февраля 1861 г. Освобожденіе крестьянъ было актомъ вынужденнымъ: крестьяне систематически поднимались противъ помѣщиковъ, и правительство находило, что «лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ дожидаться, что они освободятъ себя снизу». Раскрѣпощеніе крестьянъ было крупнымъ шагомъ впередъ, но это освобожденіе было не полное: правительство или дало имъ мало земли, или за очень большой выкупъ, который крестьяне выплачивали до Николая II, когда послѣ крестьянскихъ бунтовъ выкупные платежи были прекращены.

Крестьяне остались въ положеніи «податного» сословія, на нихъ лежала вся тяжесть налоговъ. Для крестьянъ были введены особые сословные (волостные) суды и сохранены тѣлесныя наказанія. Крестьяне были, кромѣ того, почти прикрѣплены къ волости, т. к. каждые три мѣсяца они должны были мѣнять паспорта, должны были испрашивать разрѣшенія сельскаго общества на поступленіе въ учебныя заведенія и т. п. Крестьяне не могли удовлетвориться такой «волею», но они еще вѣрили въ царя, и думали, что, вѣрно, ихъ обманули дворяне, которые спрятали настоящій манифестъ царя, а дали имъ подложный. Начались крестьянскія возстанія. Они усмирялись жестокими карательными экспедиціями. Герценъ, политическій эмигрантъ, въ своемъ журналѣ «Колоколъ» писалъ, что онъ готовъ поддержать правительство въ его намѣреніи дать народу свободу, но увидя, что народу не дали земли и, что «Освободитель» сдѣлался усмирителемъ, онъ сталъ писать противъ царской власти. Онъ также защищалъ права возставшихъ въ 1863 г. поляковъ, за что правительство и помѣщики называли его «измѣнникомъ». Революціонная интеллигенція не могла довольствоваться тѣмъ, что давало

---

[2]) *Эпоха Николая:*—Сборн. подъ ред. М. О. Гершензона. *Книга для чт. по ист. нов. врем.* т. IV ч. 2. *Милюковъ.* Изъ исторіи русской интеллигенціи. *Мякотинъ.* Изъ исторіи русскаго общества. *Богучарскій.* Изъ прошлаго русскаго общества. Его-же—Герценъ. *Реформатская.* Люди мысли и правды. *Семевскій.* Изъ исторіи обществ. идей въ 40 годахъ (петрашевцы). (Въ сборн. «На славномъ посту» и отдѣльно).

правительство. Молодежъ хотѣла добиться соціализма, общаго труда на общую пользу, строя, въ которомъ трудящіеся люди имѣли бы свободный досугъ и возможность умственнаго развитія. Правительство, которое ожидало хвалы за реформу, начало ссылать недовольныхъ людей на каторгу, сажать въ тюрмы. Университеты закрывались, закрывались всякія студенческіе кружки, даже общества взаимопомощи, разгонялись собранія, закрывались воскресныя школы для взрослыхъ. Наконецъ жестокое усмиреніе польскаго возстанія, когда правительство натравливало одинъ народъ на другой, окончательно показало, что правительство Александра II было не лучше правительства Николая I. Правда, производились реформы, но всѣ эти реформы, вызванныя необходимостью, были половинчатыя. Учреждалось земство (мѣстное, выборное самоуправленіе), но оно было въ рукахъ помѣщиковъ. Давалось самоуправленіе городамъ, но безъ участія рабочаго населенія. И земство, и городское самоуправленіе были отданы подъ надзоръ полиціи и губернаторовъ. Правда, умѣренныя партіи говорили о конституціи, но не смѣло, полагая, что народъ еще не доросъ до настоящей свободы. Была и небольшая группа революціонно-настроенныхъ соціалистовъ, вождемъ которыхъ былъ писатель Чернышевскій, экономистъ, знатокъ хозяйственной жизни Россіи, представитель научнаго соціализма; онъ былъ обвиненъ по подложнымъ документамъ и сосланъ на каторгу. Вернулся изъ ссылки уже дряхлымъ старикомъ при Александрѣ III по настоянію революціонной молодежи. Поэтъ Михайловъ, авторъ возванія къ молодежи, офицеръ Обручевъ и его товарищи изъ общества «Великоруссъ», требовавшаго конституцію, Серно-Соловьевичъ, который перевозилъ изъ за границы сочиненія Герцена и написалъ царю смѣлое письмо о реформахъ и мн. др. попали въ ссылку и на каторгу. Хотя въ 1864 году Россіи былъ данъ новый судъ,—«скорый, правый, милостивый»—съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, представителей общественной совѣсти, но онъ былъ данъ только для уголовныхъ преступленій, а политическіе, такъ называемые «государственные» преступники судились чиновниками, сановниками. Правительство не довольствовалось расправой этихъ судей и стало передавать дѣла по «ниспроверженію» гоеударствен-

наго строя въ военные суды. Дикая месть и расправа правительства вызывали раздраженіе въ обществѣ. Революціонная молодежъ образовала тайное общество. Они задумали убить царя. Каракозовъ, не сговорившись съ товарищами стрѣлялъ въ царя у Лѣтняго сада. Помѣшалъ только совершенно случайно крестьянинъ, Комиссаровъ, который схватилъ его за руку, и пуля пролетѣла мимо.

Правительство внушало народу, что это стрѣлялъ дворянинъ за то, что царь освободилъ крестьянъ, и Каракозовъ былъ выставленъ врагомъ народа. Онъ былъ повѣшенъ на Смоленскомъ полѣ при всемъ народѣ съ барабаннымъ боемъ. Комиссаровъ былъ произведенъ въ дворяне. Товарищъ Каракозова Николай Ишутинъ былъ взведенъ на эшафотъ, поставленъ подъ петлю и тогда помилованъ, какъ Петрашевцы при Николаѣ I. Эта казнь не только не подавила революціоннаго движенія, но напротивъ, оно росло, дѣлалось все шире, захватывало болѣе широкіе общественные круги. Русская молодежъ ѣдетъ за границу, за предѣлы досягаемости, чтобы «съ того берега» звать къ свободѣ родной народъ. Тамъ, за границей, подъ руководствомъ стариковъ-эмигрантовъ и при ихъ участіи основываются новыя организаціи, возникаютъ соціалистическіе кружки. Тогда правительство начинаетъ бороться съ этимъ стремленіемъ молодежи и издаетъ приказъ о возвращеніи ихъ въ Россію, обвиняя всѣхъ поголовно въ развратѣ и заговорахъ. На этомъ правительство промахнулось. Вернувшаяся молодежъ сорганизовалась въ Россіи въ кружки «народниковъ», цѣль которыхъ было служеніе народу, проповѣдь соціализма и окончательное освобожденіе народа. Одинъ изъ учителей этой молодежи былъ эмигрантъ *Бакунинъ*, неутомимый борецъ за свободу, участвовавшій въ революціи 1848 г. и потомъ долго томившійся въ нѣмецкихъ и русскихъ тюрьмахъ. Онъ бѣжалъ изъ Сибири и примкнулъ за границей къ международному революціонному движенію, былъ наряду съ Карломъ Марксомъ вождемъ интернаціонала, но бурная, постоянно бушующаяся натура не позволила ему остаться и въ этой организаціи. Онъ сталъ анархистомъ, противникомъ всякой государственной власти, поставилъ передъ собой недостижимый идеалъ полной свободы и боролся за него до конца жизни. Бакунинъ звалъ молодежъ въ народъ,

силъ, что русскій народъ революціоненъ по духу и только угнетенъ, что крестьяне по природѣ соціалисты, на что указываетъ общинное владѣніе землей. Бакунинъ очень увлекался идеей бунтовъ и преувеличивалъ силы революціонеровъ. Еще дальше пошелъ его ученикъ Сергѣй *Нечаевъ*. Этотъ человѣкъ, искренно желавшій освобожденія народа, считалъ что для этой цѣли допустимо *всякое* средство. Онъ деспотически управлялъ организованнымъ имъ обществомъ и внушалъ его членамъ преувеличенныя представленія о силѣ заговора, не брезгая прямымъ обманомъ. Послѣ убійства одного изъ товарищей, невинно заподозрѣннаго въ шпіонствѣ, организація Нечаевцевъ попала въ руки властей. Правительство нарочно устроило громкій процессъ, чтобы отпихнуть общество отъ «гнусностей революціи». Самъ Нечаевъ былъ арестованъ позже (1872 г.) и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Просидѣвъ тамъ 10 лѣтъ, онъ вступилъ черезъ распропагандированныхъ имъ солдатъ гарнизона въ сношеніе съ волей и другими заключенными, но организовать побѣгъ ему не удалось и вскорѣ онъ умеръ въ заключеніи (1883).

Другой учитель молодежи Лавровъ—былъ человѣкъ совершенно другого склада. Ученый, профессоръ Артиллерійской академіи, боровшійся за свободную научную мысль онъ не могъ ужиться въ Россіи, былъ сосланъ, бѣжалъ съ помощью Германа Лопатина за границу и сталъ теоретикомъ революціоннаго движенія. Лавровъ звалъ интеллигенцію идти въ народъ, т. к. всѣ знанія пріобрѣтены ею на счетъ народа. Онъ звалъ воспитывать народъ, пропагандировать въ немъ соціалистическія идеи, желая исподволь приготовить народъ, а не поднимать его къ возстанію неподготовленнымъ. Бакунинъ и Лавровъ шли къ одной цѣли, но разными путями. Болѣе горячія головы пошли за Бакунинымъ, другія за Лавровымъ [1]). Въ народъ пошли т. н. разночинцы, вышедшіе изъ крестьянъ, низшаго духовенства, вообще люди трудящагося класса, получившіе образованіе и желавшіе просвѣтить народъ и «кающіеся дворяне», которые

[1]) Третій духовный вождь, эмигрантъ 70 г.г. П. П. Ткачевъ, въ своей газетѣ «Набатъ» настаивалъ на немедленной борьбѣ за захватъ *политической* власти. Его идеи были развиты позже «народовольцами».

отреклись отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, не желая, по словамъ Михайловскаго жить, какъ «яркій цвѣтокъ», выросшій на нивѣ народнаго труда. Шли въ деревню, изучали разныя ремесла, подъ видомъ странниковъ или ремесленниковъ, гдѣ могли, завязывали съ крестьянами бесѣды, старались разбудить въ нихъ недовольство тяжелымъ положеніемъ и звали къ борьбѣ съ нимъ. Другіе шли на фабрики. Среди нихъ были ученые (Клеменцъ, князь Крапоткинъ, Морозовъ), военные (офицеръ Шишко), интеллигентныя дѣвушки, какъ Софья Бардина и Софья Перовская, которыя шли на тяжелую фабричную работу только для того, чтобы въ немногіе часы отдыха завести бесѣду съ рабочими и повліять на нихъ. Они распространяли и революціонныя книжки, написанныя въ видѣ сказокъ или легкихъ бесѣдъ, дожившія до 1905 года, когда онѣ снова стали распространяться, какъ напр., извѣстная «Хитрая механика», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и др. Бывало, что и люди болѣе зрѣлые примыкали къ движенію: двое мировыхъ судей Коваликъ и Войноральскій, устраивали пріюты для странниковъ-агитаторовъ, и сами вели соціалистическую пропаганду. Движеніе разросталось, но потерпѣло пораженіе. Правительство перехватило всѣхъ агитаторовъ,—на многихъ донесли болѣе темные крестьяне,—и въ концѣ 70 годовъ были устроены громкіе процессы 50-ти и 193-хъ. Этими процессами правительство опять хотѣло возбудить ненависть къ подсудимымъ, какъ въ дѣлѣ Нечаева, но на этотъ разъ не удалось: въ публикѣ стали говорить, что они не преступники, а святые. Это были люди, которые шли чистыми средствами къ чистой цѣли. На судѣ многіе изъ нихъ говорили смѣлыя рѣчи: Софья Бардина, Ипполитъ Мышкинъ, раздавались голоса также и сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, изъ нихъ особенно извѣстенъ Петръ Алексѣевъ. Послѣ этого процесса революціонные дѣятели рѣшили, что надо прибѣгнуть къ силѣ. Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій пытались поднять крестьянское возстаніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи съ помощью, якобы, царскаго манифеста, обѣщающаго землю. Имъ удалось бѣжать изъ тюрьмы съ помощью Фроленко, принявшаго на себя съ этой цѣлью роль надзирателя. Пытались вооруженной силою освободить заключенныхъ въ тюрьмахъ, убивали шпіоновъ, устроили рядъ покушеній на тюрем-

щиковъ, жандармскихъ начальниковъ и т. д. Первое крупное покушеніе былъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ петроградскаго градоначальника Трепова въ 1878 г. Она дѣйствовала не по порученію какой-либо организаціи, а сама, возмущенная отношеніемъ Трепова къ заключеннымъ, которыхъ наказывали розгами по его приказу. Засуличъ судили судомъ присяжныхъ, и она была оправдана. Послѣ этого случая подобныхъ дѣлъ не отдавали на судъ присяжныхъ. Правительство ссылало и безъ суда, въ такъ называемую, административную ссылку. Хотѣли сослать и Вѣру Засуличъ, но товарищи отбили ее отъ жандармовъ, и ей удалось бѣжать за границу. Революціонное настроеніе растетъ. Начинаются вооруженныя сопротивленія при обыскахъ и арестахъ.

Въ Одессѣ за такое сопротивленіе въ 1878 г. казненъ Ковальскій. Россія покрывается висѣлицами. Генералъ-губернаторы получаютъ право казнить по своему усмотрѣнію.

Въ отвѣтъ на это писатель Степнякъ-Кравчинскій убилъ шефа жандармовъ Мезенцова. Общество поняло, что главнымъ виновникомъ является царь. Мезенцовъ погибъ только какъ его покорный холопъ.

Соціалистическая организація «Земля и Воля» выдѣляетъ изъ себя новую организацію «Народную Волю», поставившую своею цѣлью вооруженную борьбу. Много погибло тутъ лучшихъ людей. Въ Кіевѣ, напр., былъ казненъ вождь южныхъ революціонеровъ, смѣлый рыцарь свободы, Валеріанъ Осинскій, въ Одессѣ—«святой помѣщикъ» Лизогубъ, который всѣ свои средства отдалъ на поддержку революціонной борьбы и все еще мучился сознаніемъ своей «вины» передъ трудовымъ крестьянствомъ. Одинъ изъ ея вождей, Желябовъ, на судѣ въ 1881 г. сказалъ, объясняя террористическіе акты своей партіи: у насъ была розовая юность, но она прошла. Сначала «народники» думали, что можно бороться мирными средствами, но потомъ они поняли, что только сила можетъ идти противъ силы. Народовольцы образовали рядъ покушеній на царя. Первымъ изъ нихъ было покушеніе Соловьева въ апрѣлѣ 1879 года. Въ томъ же году хотѣли взорвать царскій поѣздъ и сдѣлали рядъ подкоповъ, но планъ не удался. Слѣдующее покушеніе было 5 февраля 1880 г., когда былъ устроенъ во дворцѣ взрывъ рабочимъ Халтуринымъ (организаторомъ «съ-

вернаго рабочаго союза»), проникшимъ во дворецъ подъ видо[м] столяра. Народовольцевъ было немного, но ихъ смѣлость произвела сильное впечатлѣніе. Правительство, пробовало пойти на уступки. Былъ назначенъ Лорисъ-Меликовъ, про котораго Михайловскій остроумно писалъ, что у него лисій хвостъ и волчій ротъ. Онъ хотѣлъ успокоить общество обѣщаніемъ реформъ, было задумано собрать комиссію изъ представителей земствъ, гдѣ разрабатывались бы новые законы, а между тѣмъ, съ другой стороны, продолжались казни. Были казнены, напр., Лозинскій и Розовскій, казнь которыхъ описалъ Левъ Толстой въ запрещенной цензурой главѣ «Воскресенія». Розовскій этотъ былъ 17-лѣтній мальчикъ, погибшій только за то, что онъ не хотѣлъ сказать, кто далъ ему найденныя у него прокламаціи. Аресты продолжались. Появились и предатели, выдавшіе товарищей. Были среди нихъ и продажные люди и просто слабые, запуганные, какъ напр., Гольденбергъ, выдавшій многихъ и самъ умершій въ тюрьмѣ. Организовалось новое покушеніе, 1-го марта 1881 г. Былъ устроенъ подкопъ на Екатерининской улицѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать царь, а на случай, если онъ поѣдетъ другой дорогой, на Екатерининскомъ каналѣ его должны были ждать метальщики бомбъ. Царь поѣхалъ послѣдней дорогой. Первую бомбу бросилъ Рысаковъ, но неудачно, вторую Гриневицкій, ею царь и былъ убитъ; при взрывѣ погибъ и Гриневицкій. Всѣ вожаки заговора были казнены публично на Семеновскомъ плацу. Эта была послѣдняя публичная казнь въ Россіи. Тогда впервые погибла на эшафотѣ женщина, Софья Перовская, одна изъ умнѣйшихъ русскихъ женщинъ, которая говорила, что ей было очень тяжело рѣшиться перешагнуть черезъ кровь. Тогда же погибли геніальный организаторъ Желябовъ, юноша Рысаковъ, рабочій Тимофей Михайловъ, Кибальчичъ, техникъ-ученый, который дѣлалъ бомбы. Не была казнена только хозяйка квартиры революціонеровъ Гесся Гельфманъ, потому что она ждала ребенка, но ребенка отъ нея отобрали, какъ только онъ родился, а сама она умерла въ тюрьмѣ. Общество было возмущено суровостью приговора. Левъ Толстой написалъ новому царю письмо, настаивая на помилованіи осужденныхъ, къ тому же призывалъ и профессоръ Владиміръ Соловьевъ, который публично сказалъ на

своей лекціи, что если русскій царь—христіанскій царь, то онъ ихъ помилуетъ.

Другихъ борцовъ за свободу выдалъ Сергѣй Дегаевъ. Предатель Дегаевъ былъ опутанъ знаменитымъ жандармомъ Судейкинымъ, который притворялся на допросахъ сочувствующимъ дѣятельности революціонеровъ и заставлялъ своихъ жертвъ выдавать товарищей ради расширенія «дѣлъ» въ будущемъ. Впослѣдствіи Дегаевъ покаялся, принялъ участіе въ убійствѣ Судейкина революціонерами и скрылся за границу. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ «Народной Воли» было еще убійство жестокаго одесскаго прокурора Стрѣльникова, за которое былъ повѣшенъ юный Желваковъ и извѣстный по взрыву въ Зимнемъ дворцѣ Халтуринъ. Остальные народовольцы были заключены сначала въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, а потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и даже тамъ продолжали отстаивать себя, требуя свободы труда, общенія и научной дѣятельности. Среди нихъ были: Александръ Михайловъ, Морозовъ, Фроленко, Вѣра Фигнеръ, Людмила Волькенштейнъ, Поливановъ, Германъ Лопатинъ, офицеры—члены «военной организаціи» народовольцевъ и др. Они не сдавались и сохранили свою вѣру въ народъ, хотя послѣ смерти Александра II въ Россіи наступила жестокая реакція.

Немногіе дожили до свободы, большинство умерло въ крѣпости, нѣкоторые добровольно покончили съ собой, не будучи въ силахъ перенесть мученій отъ тюремщиковъ [1]).

[1]) Пособія: *Корниловъ.* Общественное движеніе при Александрѣ II. *Богучарскій.* Активное народничество семидесятыхъ годовъ. *Его же.* Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ г.г. *Степнякъ.* Подпольная Россія. *Дебагорій-Мокріевичъ.* Воспоминанія. *Лавровъ.* Народники-пропагандисты. Дѣло 1-го мая (суд. отчетъ).

А. ГИЗЕТТИ.

БОРЬБА СО СТАРЫМЪ ПОРЯДКОМЪ

и

ПЕРЕВОРОТЪ 27 ФЕВРАЛЯ 1917 года.

ЛЕКЦІЯ II.

V.

Убійство Александра II имѣло большое значеніе, оно расшатывало незыблемость царской власти, но непосредственныя послѣдствія этого акта были таковы, что даже нѣкоторые сторонники борьбы съ царской властью сочли его ошибкой. Эти непосредственныя послѣдствія были: во первыхъ жесточайшая реакція, тяжелый гнетъ царскаго самодержавія, доведшій страну до разоренія, а во вторыхъ испугъ, потрясеніе обывательскаго общества, отшатнувшагося отъ революціонеровъ. Сановники-монархисты пытались даже организовать особую «Священную дружину» и «Добровольную охрану» царя, съ цѣлью систематическаго выслѣживанія революціонеровъ и вооруженной борьбы съ ними. Нѣкоторые члены этой «Дружины» пытались завязать съ народовольцами переговоры (очень преувеличивая со страху силы революціонеровъ) о прекращеніи террора, обѣщая за то выхлопотать у царя аристократическую конституцію. Революціонеры, разумѣется, не пошли на такія условія. Между прочимъ, подъ вліяніемъ этихъ переговоровъ былъ возвращенъ, наконецъ, изъ Сибири престарѣлый Чернышевскій.

Началась безпощадная борьба правительства съ остатками народовольцевъ; теперь процессы уже велись тайно, вѣшали въ застѣнкахъ, большинство заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость или со-

слали на каторгу (въ Кару и Акатуй). [1]) А на ряду съ этой борьбой шло возстановленіе самодержавія въ его полномъ объемѣ.

Завѣтной мечтой, стоящихъ у власти было возстановленіе крѣпостного права, но это было невозможно, такъ какъ правительство понимало, что тогда отъ него отшатнулось бы крестьянство, на которое царская власть хотѣла опираться, выставляя передъ нимъ всѣ заговоры, какъ борьбу дворянъ съ царемъ.

Именно съ Александра III идутъ всѣ тѣ особенности управленія, которыя особенно тяжело легли на народъ и остались, во многомъ, до послѣдняго времени. Таковы пресловутые земскіе начальники изъ недоучекъ-дворянъ, получившіе полную власть надъ крестьянами, положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, дававшее губернаторамъ и министрамъ право ссылать безъ суда—вообще чрезвычайное развитіе административной ссылки. Именно въ эту эпоху наполнились ссыльными отдаленныя окраины Сибири и сѣверныхъ губерній; лучшіе люди были обречены на голодъ и холодъ, лишены всякаго культурнаго общества, окружены болѣе невѣжественными и забитыми сибирскими инородцами—(якутами, тунгусами и т. д.). Болѣе сильные старались просвѣтить этихъ инородцевъ, изучали ихъ бытъ, приносили большую пользу, а болѣе слабые—погибали въ ссылкѣ, кончали съ собой.

Изувѣръ реакціи Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, былъ образованный человѣкъ, бывшій профессоръ. Человѣкъ очень умный и послѣдовательный онъ съ корнемъ рвалъ малѣйшіе ростки проявленія общественности во всѣхъ областяхъ и сферахъ.

Неуклонно и послѣдовательно стремился онъ изуродовать, растоптать самую народную душу. Онъ

---

[1]) Въ числѣ послѣднихъ народовольцевъ былъ «пѣвецъ поколѣнія проклятаго Богомъ», молодой поэтъ П. Ф. Якубовичъ (П. Я.). Кромѣ стихотвореній онъ написалъ книгу «Въ мірѣ отверженныхъ» (подъ псевдонимомъ Л. Мельшинъ), изображающую тяжелый бытъ каторжанъ.

сдѣлалъ церковь своей союзницей, поставивъ ее подъ надзоръ полиціи. Даже самые умѣренные представители духовенства, смотрѣвшіе на свои обязанности иначе, чѣмъ того хотѣлъПобѣдоносцевъ, должны были уходить, все духовенство было превращено въ сыщиковъ, стало оплотомъ реакціи. Побѣдоносцевъ подвергалъ жестокимъ преслѣдованіямъ всѣхъ сектантовъ и иновѣрцевъ. Извѣстна его борьба съ дѣятельностью въ міру почившаго Льва Толстого, который, считая себя послѣдовательнымъ христіаниномъ, разошелся съ государственной православной церковью; религіозно-нравственныя сочиненія великаго писателя запрещались, и особенно преслѣдовались его послѣдователи—«толстовцы». Угнетали и другихъ мирныхъ сектантовъ, какъ напримѣръ, штундистовъ, молоканъ, духоборовъ, которымъ пришлось бѣжать въ Америку и тамъ поселиться. Страна покрылась сѣтью церковно-приходскихъ школъ, имъ всячески покровительствовали, несмотря на то или только потому, что учителями въ нихъ были совершенно невѣжественные сельскіе «батюшки» и дьячки; школы же земскія и частныя подвергали, напротивъ, преслѣдованію. Казенное православіе, какъ мусоръ и щебень, было навалено на жемчужное зерно Евангельскихъ истинъ. «Великій инквизаторъ» посягнулъ не только на Христа, но и на народную душу.

Не лучше была политика и въ отношеніи другихъ національностей, «признавались» только русскіе, хотя на самомъ дѣлѣ и они были въ рабствѣ, въ унизительномъ положеніи «излюбленныхъ» холоповъ. Запрещалась польская школа, нельзя было учить дѣтей читать и писать по польски, украинцы также преслѣдовались, а украинскій языкъ былъ даже объявленъ несуществующимъ. Также преслѣдовались и грузины, армяне — при Николаѣ II (политика которая вообще являлась продолженіемъ политики Александра III) у нихъ отбиралось даже церковное имущество.

Но особенно ужасны были гоненія на евреевъ.

Стала особенно строго соблюдаться «черта осѣдлости», такъ что евреи могли жить только въ опредѣленныхъ губерніяхъ, да и тамъ только въ городахъ и мѣстечкахъ, а не въ деревняхъ. Дѣтямъ ихъ не позволяли давать образованіе, введя «процентную норму», т. е. въ учебное заведеніе на 100 русскихъ—принимали 2 или 3 еврея, такъ что только самые способные проходили въ университетъ, за послѣднее время и это ограничили и ввели для поступленія въ высшія учебныя заведенія жеребьевку, такъ что даже не наиболѣе способные попадали. Евреевъ не допускали на государственную службу, а при отбываніи воинской повинности ввели особыя унизительныя правила пріема на военную службу и не производили въ офицеры. Такъ народъ былъ загнанъ, такъ его преслѣдовали—естественно, что онъ особенно охранялъ свои обычаи, особенно дорого дѣлалось ему все свое, угнетаемое правительствомъ. Сближеніе народовъ возможно только тамъ, гдѣ нѣтъ преслѣдованія, а при гоненіи—всякій замыкается въ своемъ особомъ бытѣ. И тогда правительство воспользовалось именно этими особенностями еврейскаго быта, чтобы натравить на нихъ народъ русскій. Евреевъ стали выставлять изувѣрами, пускать про нихъ въ народѣ всякія небылицы и сказки. Конечно, отъ преслѣдованій страдало особенно бѣдное, рабочее населеніе; богатые могли дать взятку, откупиться. Это натравливанье темнаго народа доводило до ужасныхъ еврейскихъ погромовъ.

Но всѣ эти мѣры, гоненія и утѣсненія не могли совсѣмъ задавить стремленія къ свободѣ. Впередъ, на путь освобожденія, двигала уже сама хозяйственная жизнь страны.

Стала развиваться промышленность. Россія одна не могла оставаться позади другихъ странъ. Промышленность и торговля разныхъ государствъ находятся въ соревнованіи (конкурренціи), государству не выгодно оставаться позади другихъ въ этой борьбѣ—это правительство понимало и потому еще при Але-

ксандрѣ II покровительствовало развивающейся торговлѣ и промышленности и давала щедрыя подачки купцамъ и промышленникамъ. Ихъ хотѣли подчинить правительству, боясь проявленія свободомыслія, такъ какъ исторія западныхъ странъ показывала, что эти классы шли впереди въ политической борьбѣ. Но правительство боялось, что если оно не проявитъ ничѣмъ заботы о рабочихъ, и они будутъ всецѣло предоставлены произволу предпринимателей, то возможны рабочія движенія, и потому издаются нѣкоторые законы по охранѣ труда; ограничивается трудъ женщинъ и дѣтей, рыбочій день постепенно сокращается, вводится фабричная инспекція [1]). Но всѣ эти законы вводились только на бумагѣ, въ дѣйствительности же правительство смотрѣло сквозь пальцы на угнетенія рабочихъ предпринимателями.

Въ это время среди рабочихъ наченается движеніе. Уже при Александрѣ II въ освободительномъ движеніи принимали участіе и рабочіе, какъ Халтуринъ, Алексѣевъ и др., но тогда—это были отдѣльныя единицы; въ 80—90 годахъ начинается настоящее массовое движеніе. Тогда впервые праздновали «первое мая», началась борьба и за увеличеніе заработной платы—вообще въ началѣ это была борьба экономическая.

Въ это время организовалась соціалъ-демократическая партія. Происхожденіе ея въ Россіи слѣдующее. Когда изъ партіи «Земля и Воля» выдѣлилась партія «Народная Воля», то меньшинство не вошедшее въ нее, организовало партію «Черный Передѣлъ». Она продолжала дѣло прежнихъ народниковъ—пропагандистовъ соціалистическихъ идей, но имѣла мало вліянія. Скоро вожаки пошли по другому пути. Они образовали за границей кружокъ, изучали ученіе К. Маркса и др. западныхъ соціалистовъ и соста-

[1]) Главнымъ руководителемъ финансовой и промышленной политики при Александрѣ III и Николаѣ II былъ умный и хитрый С. Ю. Витте (Министръ Финансовъ, впослѣдствіи столь знаменитый).

вили группу «Освобожденіе труда»; въ нее входили Плехановъ, Вѣра Засуличъ, Левъ Дейчъ, Аксельродъ и др. Въ это время заграницей были уже большія соціалистическія партіи, собирались конгрессы. Кружокъ русскихъ соціалистовъ принялся за изученіе марксизма и воспріялъ его идеи.

Она считали, что главная революціонная сила — рабочій классъ. Рабочіе живутъ въ городѣ—т. е. въ культурномъ центрѣ, отъ нихъ требуется нѣкоторое техническое образованіе, что повышаетъ умственное развитіе, а затѣмъ, общаясь на фабрикѣ другъ съ другомъ, они проникаются товарищескимъ духомъ и лучше могутъ понять необходимость общаго выступленія.

Только рабочій классъ, который не имѣетъ собственности, которому нечего терять, можетъ смѣло выступать въ борьбѣ. Интеллигенція можетъ подчеркнуть необходимость политической борьбы, истинно революціоненъ только рабочій классъ. Эти взгляды привели къ преувеличенію; было забыто, что большинство русскаго населенія крестьяне; считалось, что крестьяне — отсталый классъ, и потому пусть они теряютъ землю—тогда они станутъ рабочими—и, такимъ образомъ, возрастетъ рабочій революціонный классъ, хотябы въ ущербъ крестьянству. Это, конечно, было ошибкой, ошибкой, которую поняли впослѣдствіи и сами сторонники этой партіи. Они поняли, что сами рабочіе тѣсно связаны съ деревней, вышли изъ нея; возвращаясь въ деревню, рабочій образуетъ тамъ революціонное ядро, распространяетъ революціонныя идеи. Также поняли и то, какъ важны и земельные крестьянскіе интересы и о нихъ нельзя забывать. Соціалъ-демократическая партія сорганизовалась уже позже—при Николаѣ II, въ концѣ 90-хъ годовъ: при Александрѣ III дѣятельность ея только началась, появлялись первыя прокламаціи.

За это время идетъ другая важная культурная работа—она ведется въ деревнѣ скромными безвѣ-

стными интеллигентными труженниками—эта работа—воспитаніе народа. Ее ведетъ такъ называемый «третій элементъ»: это—земскіе врачи, учителя, статистики, писатели, экономисты, изучающіе народную жизнь и т. д., особенно усиливается эта работа послѣ 91 года. Нужно сказать что въ 89 году реакція достигла своего предѣла. Въ этотъ годъ произошли такія трагическія событія,—какъ разстрѣлъ политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ, которые не соглашались уѣзжать въ еще большую глушь на голодную смерть. 3-хъ изъ нихъ повѣсили, причемъ одного, больного на кровати поднесли къ висѣлицѣ. Одновременно произошелъ другой жестокій актъ произвола: наказаніе розгами политической ссыльной на Карѣ за пощечину начальнику тюрьмы, пощечина эта была отвѣтомъ на сопровождавшійся оскорбленіями увозъ изъ тюрьмы другой ссыльной, не поклонившейся губернатору при посѣщеніи имъ тюрьмы.

Въ знакъ протеста и солидарности съ пострадавшей, которая покончила съ собой немедленно послѣ наказанія, всѣ заключенные отравились и пятеро изъ нихъ умерли. О положеніи ссыльныхъ и заключенныхъ политиковъ заговорили въ Европѣ, особенно послѣ того, какъ американецъ Кенанъ объѣхалъ наши тюрьмы и потомъ повѣдалъ въ своихъ книгахъ («Сибирь и ссылка», «Тюрьмы въ Россіи») о всемъ, что видѣлъ.—Произошелъ скандалъ на всю Европу—даже иностранныя правительства протестовали противъ истязаній. Между тѣмъ наступилъ голодный годъ (1891 г.) У разоренныхъ крестьянъ не хватило хлѣба. Правительство скрывало положеніе, говорило, что это только «недородъ». Общество не допускалось къ помощи населенію—правительство дѣйствовало черезъ чиновниковъ и, конечно, не могло справиться съ бѣдствіемъ. Наконецъ, ему пришлось допустить общественную помощь—и тутъ опять много безвѣстныхъ, скромныхъ людей изъ интеллигенціи пошли на помощь народу. Это были безкорыстные люди, многіе изъ нихъ по-

гибли на работѣ, заразившись тифомъ, холерой, которые распространились по деревнямъ. Вначалѣ темный народъ имъ не вѣрилъ, отталкивалъ ихъ помощь, тогда даже убивали докторовъ, думая, что они разносятъ заразу, но потомъ стали понимать, что эти люди не враги, а друзья народа. Такимъ образомъ 91-й годъ оказалъ громадное вліяніе на сближеніе интеллигенціи и народа. Сближеніе шло и среди рабочаго населенія: тамъ росло рабочее движеніе, образовывались кружки, въ которые входили и интеллигенція и рабочіе — все подготовляло единое дружное общественное движеніе, въ которомъ бы не было различія между народомъ и «господами».

VI.

Въ 1894 году умираетъ Александръ III и на престолъ вступаетъ Николай II. Собственно въ Россіи измѣнилось только имя царя—весь режимъ остался тотъ же. Вначалѣ надѣялись на улучшеніе—думали, что молодой царь дастъ реформы. Тверскіе земцы при вступленіи новаго царя на престолъ поднесли ему адресъ, составленный очень умѣренно и заключавшій въ себѣ лишь намекъ на желательность конституціи. Царь отвѣтилъ фразой о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ» и сразу показалъ, что перемѣны ждать нельзя. Побѣдоносцевъ остался у власти, продолжались прежнія утѣсненія. На коронаціи произошло несчастье: на гуляньѣ, на Ходынскомъ полѣ толпа передавила другъ друга, попавъ въ ямы и колодцы, незасыпанные во время полиціей. Такъ заботилось начальство о «вѣрноподданномъ народѣ», собравшемся повеселиться въ честь «добраго» царя.

Между тѣмъ растутъ волненія среди рабочихъ, поднимаются крестьяне, растетъ недовольство въ земствахъ, въ передовой интеллигенціи, среди помѣщиковъ и, наконецъ, начинается крупное студенческое движеніе. Это движеніе началось въ 1899 году: сту-

денты по прежнему боролись за право сходокъ, за право образовывать кружки, общества, за право помогать товарищамъ, путемъ устройства общества взаимопомощи. Правительство все запрещало, и тогда студенты вышли на улицу демонстраціей. Они были разогнаны, избиты нагайками, многіе изувѣчены, изуродованы. Это вызвало возмущеніе въ обществѣ. Правительство же вмѣсто разслѣдованія дѣла продолжало репрессіи: были изданы «временныя правила», по которымъ студенты за безпорядки отдавались въ солдаты. Казарменная жизнь тогда вообще была ужасна, студенты, отданные въ солдаты въ наказаніе, подъ строгій надзоръ, подвергались особымъ преслѣдованіямъ, издѣвательствамъ, нѣкоторыхъ даже подводили подъ разстрѣлъ.

Напрасно въ обществѣ раздавались голоса протеста и начиналось серьезное волненіе, правительство не обращало на это вниманія. Все дѣло образованія было поставлено въ тяжелое положеніе. Въ гимназіяхъ изучали мертвые языки: латинскій и греческій, на которыхъ теперь никто не говоритъ, естественная исторія, географія—не преподавалась, русская исторія—была въ загонѣ, особенно неблагонадежной считалась русская литература, такъ какъ почти всѣ наши писатели призывали къ свободѣ. Дальше Пушкина литература вообще не преподавалась, какъ будто на немъ кончилось ея развитіе. Демократическіе слои населенія почти не допускались къ образованію—народная школа была такъ построена, что изъ нея некуда было итти дальше. Студенты, волновавшіеся раньше изъ за своихъ частныхъ интересовъ, потомъ перешли уже къ политической борьбѣ и на репрессіи правительства отвѣтили активнымъ выступленіемъ. Петръ Карповичъ (тотъ русскій эмигрантъ, который погибъ теперь при переѣздѣ въ Россію отъ нѣмецкой подводной лодки) убилъ Боголѣпова—министра народнаго просвѣщенія. Министерство, которое было призвано просвѣщать народъ, вызывало къ себѣ самую большую ненависть и его

называли «министеретвомъ народнаго затемнѣнія». 4 марта 1901 года была снова большая студенческая демонстрація противъ «временныхъ правилъ», на этотъ разъ къ ней присоединились и зрѣлые люди, писатели, отчасти присоединились и рабочіе. Демонстрацію разогнали нагайками. Правительство не поняло смысла растущаго всенароднаго недовольства, само шло къ своей гибели, не слушая предостереженій. Началась уже настоящая революціонная борьба. Эмигранты разныхъ партій стали печатать заграницей газеты.

Болѣе умѣренная партія, изъ которой впослѣдствіи вышла партія народной свободы, издавала органъ «Освобожденіе»;ея редакторомъ былъ Петръ Струве, бывшій раньше соціалъ-демократомъ. Эта газета имѣла большое вліяніе; въ то время она играла ту же роль, какъ «Колоколъ» Герцена при Александрѣ II. Соціалъ-демократическая партія издавала «Искру», соціалъ-революціонная—«Революціонную Россію». Всѣ эти газеты печатались на тонкой бумагѣ, тщательно запрятывались и перевозились въ Россію, а здѣсь правительство напрасно старалось открыть способъ снабженія ими русскаго населенія—слишкомъ дружно тогда боролось все общество, всѣ были связаны какъ бы круговой порукой и правительство съ этимъ не могло справиться. Революціонное движеніе быстро растетъ. Въ 1902 году поднимаются крестьянскія движенія. Крестьяне, истомленные своимъ тяжелымъ положеніемъ, начинаютъ грабить, жечь помѣщичьи имѣнія, иногда даже убиваютъ помѣщиковъ. Но не всюду было такое безпорядочное насиліе; во многихъ мѣстахъ крестьянское населеніе только завладѣвало землей для запашки и хотѣло организованно ею управлять. Къ этому ихъ побуждала соціалъ-революціонная партія, которая объявляла землю собственностью народа и которая хотѣла доказать, что народъ можетъ сообща, всѣмъ обществомъ владѣть землей, распредѣляя ее на трудовыхъ началахъ. Правительство, конечно, отвѣчало на эти движенія карательными экспедиціями. Одновременно съ этими вы-

ступленіями продолжается и вооруженная борьба. «Боевая организація» партіи соціалистовъ-революціонеровъ снова организовываетъ рядъ покушеній на министровъ и другихъ сановниковъ: таковы убійство министра Сипягина казненнымъ за это Балмашовымъ, покушеніе на Харьковскаго губернатора, засѣкавшаго крестьянъ за «аграрные» безпорядки, на Побѣдоносцева, на виленскаго губернатора, истязавшаго арестованныхъ политическихъ, убійство Уфимскаго губернатора, который принималъ участіе въ разстрѣлѣ рабочихъ въ Златоустѣ. Главнымъ организаторомъ этихъ покушеній былъ умный и энергичный Гершуни. Вскорѣ онъ съ нѣсколькими товарищами былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни, [1]) но помилованъ и заключенъ въ Шлиссельбургъ, какъ и Карповичъ. Это были первыя ласточки за свободу, принесшіе надежду на будущее старымъ шлиссельбуржцамъ.

Ростъ революціоннаго движенія ярко проявился уже въ 1903 г., году могучихъ стачекъ и крупныхъ рабочихъ выступленій. Правительство борется съ ними «провокаціей». Оно поручаетъ охраннику Зубатову организовать рабочихъ въ вѣрноподданныя общества подъ флагомъ чисто экономическихъ требованій и попутно слѣдить за агитаторами-соціалистами. Послѣдніе однако быстро поняли въ чемъ дѣло и оттолкнули рабочихъ отъ этого волка въ овечьей шкурѣ. Характерно, что за эти годы политическая ссылка, куда раньше попадали лишь отдѣльные рабочіе и крестьяне, стала заполняться ими, показывая тѣмъ, что революціонное движеніе теперь дѣйствительно проникло въ народъ, что весь народъ теперь является врагомъ правительству.

Правительство видѣло, что опасность для него растетъ и начало войну съ Японіей, главная цѣль которой была отвлечь интересъ населенія отъ поли-

[1]) Гершуни произнесъ на судѣ замѣчательную рѣчь въ свою защиту, обрисовавшую всю политику правительства и неизбѣжность революціи.

тики. Вячеславъ фонъ-Плеве, бывшій жестокій разслѣдователь по дѣламъ народовольцевъ, занявшій мѣсто Сипягина и прославленный уже въ 1899 г. отнятіемъ правъ у Финляндіи, говорилъ цинично: «Для нашего спасенія намъ нужна маленькая побѣдоносная война». Этой «маленькой побѣдоносной войной» и должна была быть война съ Японіей. Правительство проводило желѣзную дорогу черезъ Манчжурію въ купленную отъ китайцевъ землю—Квантунскую область. Эта земля, отдѣленная Манчжуріей отъ Россіи, страшно далекая, совершенно не связанная съ русскими интересами—должна была образовать какъ бы новую Россію—«Желтороссію», какъ писали тогда приспѣшники правительства, мечтавшіе уже о превращеніи китайцевъ въ новыхъ крѣпостныхъ, даровыхъ рабочихъ для помѣщиковъ, уже покупавшіе на Дальнемъ Востокѣ земли и лѣса и простиравшіе свои аппетиты на сосѣднюю съ Манчжуріей Корею.

Японія была недовольна хозяйничаньемъ Россіи, она сама хотѣла захватить эти земли. Начавшаяся война показала, какъ невѣрны были надежды правительства на побѣду—Японія была страной технически очень развитой и уже конституціонной, и эта война оказалась для Россіи очень неудачной. Дважды погибъ русскій флотъ, потерпѣло пораженіе и войско, на войну было затрачено масса народныхъ средствъ, въ пораженіи виновата была не армія, а правительство. Извѣстны бывшія тогда злоупотребленія и дезорганизація.

Въ 1904 году Сазоновъ убиваетъ бомбой фонъ-Плеве; общественное недовольство все растетъ. Тутъ правительство какъ будто хочетъ идти на уступки, министромъ внутреннихъ дѣлъ назначается Святополкъ-Мирскій, который обѣщаетъ обществу «довѣріе» и даетъ нѣкоторую свободу. Съѣздъ земскихъ дѣятелей въ ноябрѣ 1904 г. и многочисленные политическіе «банкеты» (ужины съ рѣчами и преніями) по случаю 40-лѣтія «Судебныхъ Уставовъ» Александра II въ декабрѣ—выносятъ резолюцію, едино-

душно требуя конституціи. Идетъ и рабочее движеніе, которымъ правительство опять хотѣло воспользоваться—поручивъ священнику Георгію Гапону повторить попытку Зубатова, однако Гапонъ искренно увлекся и повелъ 9 января 1905 г. народъ ко дворцу, съ петиціей о реформахъ, вѣря, что царь исполнитъ народную волю. Извѣстно, что безоружный народъ былъ разстрѣлянъ: это событіе показало рабочимъ окончательно, что царь—ихъ врагъ.—Это былъ великій урокъ. Въ Февралѣ соціалистъ-революціонеръ Иванъ Коляевъ, мечтательный нѣжный поэтъ и полный любви человѣкъ, убилъ бомбою дядю царя, великаго князя Сергѣя Александровича, жестокаго и развратнаго Московскаго генералъ-губернатора (князя Ходынскаго). Лѣтомъ произошло знаменитое возстаніе на броненосцѣ Потемкинъ-Таврическій, захваченномъ возставшей командой и ушедшемъ отъ преслѣдовавшей его эскадры въ Румынію.

Осенью безпорядки во флотѣ охватили еще нѣсколько кораблей; матросы были преданы военному суду и жестоко наказаны, но движеніе разросталось.

Въ Сентябрѣ графъ Витте заключилъ съ Японіей миръ, не такой невыгодный, какъ можно было бы ожидать, и получилъ послѣ этого большое вліяніе. Надо было приступить къ преобразованіямъ внутри страны, голосъ народа становился слишкомъ грознымъ. 6 Августа 1905 г. правительство издало указъ о Государственной Думѣ, который не могъ никого удовлетворить. Думѣ давался только совѣщательный голосъ, участвовать въ ней могли только самые богатые люди, выборы вводились 3-хъ и даже 4-хъ степенные. Въ октябрѣ вспыхиваетъ всеобщая забастовка — останавливаются всѣ желѣзныя дороги, заводы, почта; прекращаютъ работу инженеры, адвокаты, весь персоналъ учебныхъ заведеній и учащіеся, даже нѣкоторые чиновники. Организуется Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и Союзъ Союзовъ разныхъ интеллигентныхъ профессій, руководящіе забастовкой.

Въ ночь съ 17-го на 18-е октября выходитъ манифестъ, продиктованный царю графомъ Витте. Этотъ манифестъ былъ обманомъ; онъ обѣщалъ свободу совѣсти, слова, собраній и союзовъ и неприкосновенность личности, расширеніе круга избирателей въ Думу и законодательныя права для нея. Скоро была объявлена и частичная «амнистія», освободившая старыхъ Шлиссельбурцевъ. А между тѣмъ никакой свободы дано не было — собранія на улицахъ въ тотъ же день разгонялись солдатами, въ толпу стрѣляли, генералъ-губернаторъ Треповъ, [1]) издалъ приказъ «не жалѣть патроновъ». Натравливали «черную сотню»—хулигановъ и подкупленныхъ—на интеллигенцію и евреевъ—устроили грандіозные погромы (въ Вологдѣ, въ Томскѣ, въ Севастополѣ, въ Одессѣ, въ Твери), погибло множество жертвъ. Народъ не могъ удовлетвориться этими неисполненными обѣщаніями — онъ хотѣлъ бороться за демократическую республику. Нѣкоторое время еще правительство «терпѣло» Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, власть котораго была очень велика, онъ организовалъ еще 2—3 забастовки, уже далеко не столь единодушныя, пытался ввести «явочнымъ порядкомъ» 8-ми часовой рабочій день на заводахъ. Когда совѣтъ издалъ манифестъ съ призывомъ не платить податей, онъ былъ разгромленъ и арестованъ. И правительству помогло то, что въ обществѣ не было прежняго единенія—половинчатыя реформы, проведенныя правительствомъ, раскололи интересы, а расколъ гибеленъ для революціи. Были люди, удовлетворенные обѣщаніями манифестовъ—образовавшіе союзъ 17-го октября (октябристы), другіе—конституціонные демократы, такъ наз. «кадеты» или Партія Народной Свободы, хотя и не были удовлетворены, но были противъ активныхъ выступленій и хотѣли бороться за свои идеалы черезъ Думу, только «лѣвыя» партіи (соціалисты) звали къ борьбѣ, но и между ними не было согласія.

[1]) Сынъ того Трепова, въ котораго Вѣра Засуличъ стрѣляла въ 1878 г.

Соціалъ-демократы раскололись на «большевиковъ» (сторонниковъ возстанія и бойкота Думы) и «меньшевиковъ» (предлагавшихъ дѣйствовать черезъ Думу). Отъ соціалистовъ-революціонеровъ отдѣлились «народные соціалисть» (умѣренные) и «максималисты» (крайніе).

Въ декабрѣ, въ Москвѣ было вооруженное возстаніе, возстанія были и въ другихъ мѣстахъ — но всюду были подавлены. Особенно жестоки были «карательныя экспедиціи» на желѣзныхъ дорогахъ. Молодые солдаты, непонимавшіе въ чемъ дѣло, усмиряли народъ, и много людей погибло въ этой борьбѣ. Извѣстны имена главныхъ жестокихъ усмирителей: Мелеръ-Закомельскій, Ренненкампфъ, Дубасовъ, Минъ, Орловъ—все люди показавшіе себя плохими воинами на войнѣ съ настоящимъ непріятелемъ, нѣкоторые даже предатели родины, но «покрывшіе себя славой» усмирителей возстаній. Такъ какъ тогда все же было еще нѣкоторая свобода печати—то объ этомъ писали въ газетахъ, поздравляя военноначальниковъ съ новымъ «покореніемъ» Сибири, Прибалтійскаго края, Кавказа, Москвы и т. п.

Революціонеры вели съ правительствомъ настоящую безпощадную войну. Лейтенантъ Петръ Шмидтъ сталъ во главѣ возставшаго черноморскаго флота, его революціонная эскадра довольно долго боролась, но была захвачена и Шмидтъ съ матросами былъ казненъ, не смотря на протестъ общества. Правительство жестоко расправлялось съ побѣжденными особенно возмущено было общество звѣрскими истязаніями въ полицейскомъ участкѣ молодой дѣвушки Маріи Спиридоновой, стрѣлявшей въ одного изъ палачей крестьянскаго движенія и схваченной немедленно послѣ этого. Вмѣсто того чтобы наказать истязателей (убитыхъ впослѣдствіи революціонерами) правительство осудило на каторгу самою Спиридонову. На требованіе отмѣны смертной казни правительство отвѣчаетъ указаніемъ на политическія

убійства, хотя само ихъ вызываетъ казнями и истязаніями.

Правительству удалось справиться съ революціей—но Государственную Думу все же пришлось созвать, и съ апрѣля 1906 года начинается новый періодъ борьбы. Революціонное движеніе какъ будто подавлено, какъ будто идетъ на убыль, но въ дѣйствительности оно продолжалось, но болѣе затаенно, скрыто, незамѣтно. Какъ мы уже знаемъ, правительство, давъ немного, разрознило партіи. Соціалистическія партіи считали, что надо продолжать борьбу, что нельзя удовлетвориться этими уступками, но они не расчитали своихъ силъ, борцы за свободу тогда могли только геройски погибнуть, не достигнувъ цѣли. Между тѣмъ крупные землевладѣльцы и промышленники совсѣмъ не хотѣли демократической республики, они боялись рабочаго движенія, такъ какъ боялись, что имъ придется слишкомъ много потерять и потому предпочитали монархію, такъ какъ она больше оберегала ихъ интересы. Соціалистическія партіи, считая, что Государственная Дума не является настоящимъ народнымъ представительствомъ, такъ какъ не созвана на основѣ всеобщаго голосованія, призывали къ «бойкоту» (неучастіе въ выборахъ) Государственной Думы. Но этотъ призывъ не имѣлъ успѣха; крестьяне возлагали на Думу большія надежды и хотѣли выбирать, да и среди лѣвыхъ партій находились люди, считавшіе что лучше провести въ Думу своихъ депутатовъ, такъ какъ тамъ по крайней мѣрѣ можно будетъ громко сказать свое слово [1]). Правительство мѣшало выборнымъ, арестовывая или высылая неугодныхъ ему

[1]) Правительство нарочно дало въ Думѣ побольше мѣстъ крестьянамъ, надѣясь на ихъ темноту и покорность, но жестоко ошиблось. Весною 1906 г. организовался Всероссійскій Крестьянскій Союзъ, принявшій программу соціалистовъ. Въ Думѣ лѣвые крестьяне организовались въ Трудовую группу.

людей, но все же наконецъ 27 апрѣля 1906 г. Дума была впервые собрана. Хотя въ эту думу и немного прошло лѣвыхъ депутатовъ, хотя большинство было «кадетское», т. е. признававшее монархію, но и эта Дума потребовала всеобщаго избирательнаго права и земельныхъ реформъ, принудительнаго отчужденія казенной и помѣщичьей земли. Также требовала наказанія нарушителей свободы, объявленной 17 октября, проведенія свободы въ жизнь. Въ «адресѣ» Царю Дума требовала полной политической амнистіи,[1]) требовала отмѣны смертной казни,—рабочаго законодательства и другихъ преобразованій. Но эта Дума была связана правительствомъ еще до своего созыва,—она была подчинена Государственному Совѣту, на половину состоящему изъ назначаемыхъ правительствомъ сановниковъ, а въ остальной части изъ выборныхъ отъ богатыхъ дворянъ, купцовъ и высшаго духовенства; 6 мѣстъ, какъ бы въ насмѣшку, были предоставлены профессорамъ университетовъ; только ихъ небольшая группа составляла въ Совѣтѣ оппозицію и, хотя къ ней принадлежали люди очень умѣренные, въ Совѣтѣ они казались «краснѣе самыхъ красныхъ!» Передъ самымъ созывомъ Думы 23 апрѣля были изданы «основные законы» Государемъ, въ которыхъ было упомянуто и о самодержавной власти царя, и о Государственномъ Совѣтѣ, и объ изъятіи значительной части Государственныхъ расходовъ изъ вѣдѣнія Думы (напр. военныхъ, придворныхъ). Основные законы Думѣ было запрещено обсуждать и изъяснять. Это все дало возможность министру Горемыкину въ отвѣтъ на вышеназванныя требованія Думы—отвѣтить: «это васъ не касается». Такимъ образомъ и эта Дума, которая, казалось, должна была быть покорна правительству, вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ принятъ думой единогласно и все же Гос. Сов. не

[1]) Объ амнистіи произнесъ первую же рѣчь въ Думѣ Тверской депутатъ Петрункевичъ.

пропустилъ его, оставивъ смертную казнь для политическихъ преступниковъ. Госуд. Дума работала надъ земельнымъ вопросомъ, проэктируя всю землю отдать крестьянамъ. Правительство заявило, что оно не потерпитъ преобразованія, которыя нарушатъ неприкосновенность частной—помѣщичьей собственности.

Когда Дума рѣшила обратиться къ народу въ воззваніемъ—отчетомъ о своей работѣ, она была распущена.

Вспыхнуло возстаніе въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ, но было подавлено. Революція раздѣлилась на множество бунтовъ, покушеній и вооруженныхъ нападеній. Особенно повредили «экспропріаціи» казенныхъ денегъ; скоро превратившіяся въ простые грабежи и разбои. Депутаты Госуд. Думы собрались въ Выборгѣ и составили т. н. «Выборгское воззваніе», призывавшее не платить податей и не давать рекрутовъ, но не приведшее ни къ какимъ результатамъ.

Во главѣ власти сталъ Столыпинъ—это былъ настоящій палачъ русской революціи, онъ поддерживалъ черную сотню, покровительствовалъ помѣщикамъ, установилъ военно-полевые суды, которые могли приговаривать къ смерти въ 24 часа и, наконецъ, издалъ законъ 9 ноября о разрушеніи крестьянской общины. Этимъ закономъ онъ хотѣлъ внести рознь среди крестьянъ, такъ какъ думалъ, что выдѣленіе крестьянъ изъ общинъ и переходъ ихъ къ хуторскому хозяйству создастъ болѣе богатыхъ крестьянъ,—которые помогутъ ему бороться съ соціалистической пропагандой. Правительство прямо *принуждало* крестьянъ выдѣляться изъ общинъ. Но правительство хотѣло внести рознь не только въ крестьянство, оно вообще понимало всю выгоду «распыленія» гражданъ на «отдѣльныя» группы, мѣшало всякимъ общимъ выступленіямъ: запрещая рабочимъ образовывать всякія общества, оно разрѣшало соединяться только въ мѣстные профессіональные союзы, надѣясь, что интересы этихъ отдѣльныхъ союзовъ разойдутся между собой. Такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, до-

пуская маленькія мѣстныя, запрещали всякія общія организаціи. Стали ссылать на каторгу за одну принадлежность къ соціалистическимъ партіямъ, стали запрещать газеты, особенно преслѣдовали рабочія газеты путемъ конфискаціи, штрафовъ, арестовъ редакторовъ.

20 февраля 1907 года была созвана вторая государственная дума, болѣе бурная, чѣмъ первая. Въ нее прошло много черносотенцевъ, но зато много и представителей соціалистическихъ партій, которыя на этотъ разъ сочли за лучшее не бойкотировать думу, а проводить въ нее своихъ членовъ. Такъ образовалась большая правая и большая лѣвая группа—центръ былъ очень незначителенъ. Въ этой Думѣ, конечно, шла непрерывная борьба, непримиримые враги столкнулись другъ съ другомъ—и конечно не могли сговориться. Отдѣльныя группы лѣвыхъ враждовали между собою и съ кадетами. Правительство содѣйствовало организаціи заговора группы соціалистовъ-революціонеровъ на жизнь царя и потомъ, «раскрывъ» этотъ заговоръ, грозило репрессіями думской фракціи. Такую же провокацію устроило оно среди соціалъ-демократической партіи—ее обвинили въ подготовкѣ возстанія въ войскахъ и потребовали выдачи всѣхъ депутатовъ соціалъ-демократовъ. Государственная Дума на это не соглашалась и была распущена. «Черная сотня» умертвила нѣкоторыхъ народныхъ избранниковъ, членовъ I и II Думы. Немедленно вслѣдъ за роспускомъ I Думы, былъ убитъ депутатъ М. Я. Герценштейнъ, позже погибли Іоллосъ и докторъ Караваевъ. Виновники этихъ преступленій, на которыхъ громко и открыто указывало общество, остались безнаказанными или были помилованы царемъ.

Тогда правительство увидѣло, что, если дума будетъ выбираться по прежнимъ законамъ, то результаты выборовъ явятся для него нежелательными. Правительство само издало новый избирательный законъ 3-го іюня 1907 года, совершивъ этимъ нару-

шеніе своихъ же «основныхъ законовъ». Этотъ новый законъ лишилъ цѣлыя области права посылать депутатовъ—это были окраины: Туркестанъ и Восточная Сибирь; въ другихъ окраинахъ количество депутатовъ было сильно сокращено: такъ на Кавказѣ, въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ болѣе революціонно настроенныхъ губерніяхъ. Кромѣ того, населеніе было разбито на «куріи» и повсюду даже изъ областей, гдѣ русскихъ было мало, должны были быть выбраны и русскіе депутаты. Такъ напримѣръ городъ Варшава долженъ былъ послать двухъ депутатовъ: одинъ выбирался отъ поляковъ, другой отъ русскихъ, хотя въ Варшавѣ русское населеніе очень незначительно и состоитъ преимущественно изъ правительственныхъ чиновниковъ. Также поступали и въ другихъ областяхъ съ «инородческимъ» населеніемъ. Русское населеніе тоже было разбито на куріи—отдѣльно выбирали разныя сословія, такъ отдѣльно крупные землевладѣльцы, мелкіе помѣщики и крестьяне. Городское населеніе тоже выбирало по куріямъ, напримѣръ, въ Петербургѣ выбирали всего 6 депутатовъ — богатые — небольшая сравнительно кучка посылала 3-хъ, и всѣ остальные, громадное большинство населенія тоже 3-хъ. Цензъ, конечно, былъ повышенъ, такъ что болѣе бѣдному населенію доступъ въ Думу былъ закрытъ. Къ тому же при выборахъ пускали въ ходъ полицейскія стѣсненія, чтобы не допустить нежелательныхъ депутатовъ. Всѣ эти мѣры достигли цѣли, правительство добилось, наконецъ, послушной Думы. Большинство въ ней составляли октябристы, стоявшіе какъ будто на точкѣ зрѣнія манифеста 17-го октября, но въ дѣйствительности поддерживавшіе правительство, которое само нарушало манифестъ, и правившіе вмѣстѣ съ черносотенцами. Теперь Дума не протестуетъ, а выражаетъ правительству благодарность за всякое начинаніе. Напрасно протестуетъ небольшая кучка лѣвыхъ—за каждое свободное смѣлое слово изгоняли на нѣсколько засѣданій; да и что могла сдѣлать эта кучка, когда

лѣвые депутаты, даже если причислить къ нимъ кадетовъ, составляли всего 50 человѣкъ.

Наступило темное пятилѣтье 3-ей государственной Думы 1907—1912 г. Она—вѣрная помощница правительства, народъ уже ничего отъ нея не ждетъ, ужъ на нее махнули рукой. Все идетъ по прежнему, прежнія репрессіи за всякое рабочее движеніе, за празднованіе 1-го мая, за всякое смѣлое выступленіе. Правительство уже ни въ чемъ не знаетъ удержу, доходитъ до полныхъ безобразій—черезъ 3-ью Думу отнимаетъ у Финляндіи все, что ей было раньше дано, насаждаетъ тамъ русскихъ черносотенцевъ, чиновниковъ и купцовъ, сыплются преслѣдованія поляковъ, евреевъ и другихъ инородцевъ.

Въ 1909 — 1911 годахъ эта политика достигла предѣловъ. Раскрыта была провокаціонная дѣятельность авантюриста Азева, который одной рукой организовалъ террористическіе акты, а другой выдавалъ революціонеровъ департаменту полиціи. Правительство отвѣтило на это ссылкой на поселенье бывшаго деректора полиціи Лопухина, у котораго нашлось мужество разоблачить продѣлки Азева. За поощреніе провокаторовъ пришлось скоро жестоко расплатиться: Столыпинъ былъ въ 1911 году убитъ (въ театрѣ въ Кіевѣ, въ присутствіи царя) такимъ тайнымъ террористомъ охранникомъ.

Когда умеръ Левъ Толстой, общество, потрясенное этой утратой, чувствовавшее какое-то волненіе, хотѣло что то выразить, большое вліяніе оказали и гражданскія похороны Толстого (такъ какъ онъ былъ отлученъ отъ церкви), студенчествомъ была устроена демонстрація за отмѣну смертной казни.

Продолжаются истязанія въ тюрьмахъ, на каторгѣ; когда послѣ одного изъ звѣрствъ покончилъ съ собой въ Сибири, въ Зерентуйской каторжной тюрьмѣ Сазоновъ—въ обществѣ пробуждается серьезное движеніе. Правительство предпринимаетъ настоящій разгромъ университетовъ при министрѣ Кассо; увольняютъ лучшихъ профессоровъ, многіе другіе сами

уходятъ, а Кассо всюду насаждаетъ черносотенниковъ. Рабочая печать преслѣдуется, дѣятельность просвѣтительныхъ обществъ стѣсняется, въ деревняхъ конфисковываютъ всѣ сколько нибудь порядочныя газеты. Единственный способъ, единственная возможность объединенія для деревни—это кооперація (потребительныя общества), объединеніе на хозяйственной почвѣ. Россія покрылась ячейками кооперацій, сыгравшими свою большую роль. Особенно въ деревнѣ онѣ имѣли значеніе, объединяя крестьянъ, давая возможность устраивать просвѣтительныя чтенія, хотя бы по экономическимъ вопросамъ и кооперації, принесли помощь и при недавней продовольственной разрухѣ и при послѣдней революціи.

4 апрѣля 1912 года, незадолго до выборовъ въ 4 Государственную Думу произошли извѣстныя Ленскія событія, разстрѣлъ мирной толпы рабочихъ, предъявившихъ экономическія требованія. Тогда выдвинулся Керенскій, одинъ изъ адвокатовъ, разслѣдовавшихъ настоящія причины движенія рабочихъ; въ результатѣ разоблаченій правительство вынуждено было устроить ревизію, посланъ былъ сенаторъ Манухинъ, правительственный чиновникъ, который доложилъ царю всю горькую правду, но эта правда была такого содержанія, что ее затерли и не позволили въ газетахъ печатать отчета о ревизіи.

Выборы въ 4-ую Думу правительство устраивало такъ же, какъ въ 3-ью, на этотъ разъ много мѣстъ было предоставлено священникамъ, на которыхъ правительство надѣялось, и Дума дѣйствительно по составу не отличалась отъ 3-ьей, была послушной Думой—однако и ей пришлось протестовать и сыграть важную роль.

Послѣдніе годы передъ войной правительство, казалось, было на вершинѣ могущества и славы, оно праздновало всякіе юбилеи, (отечественной войны, трехсотлѣтіе дома Романовыхъ), тратя на нихъ массу народныхъ денегъ. Одновременно съ этимъ былъ затѣянъ возмутительный процессъ Бейлиса,

ни въ чемъ неповиннаго ремесленника-еврея, обвиненнаго въ «ритуальномъ» (изувѣрскомъ) убійствѣ мальчика Ющинскаго—хотѣли ввести поклепъ на весь еврейскій народъ, обвинить его въ изувѣрскихъ преступленіяхъ, хотя это было простое уголовное убійство, настоящихъ виновниковъ котораго, шайку воровъ-хулигановъ, правительство старалось выгородить и «обѣлить». Но это дѣло окончилось для правительства скандально; Бейлисъ былъ оправданъ даже темными, забитыми крестьянами—Кіевскими присяжными, а въ обществѣ этотъ процессъ вызвалъ негодованіе и протесты.

Въ 1914 году наступаетъ война, на этотъ разъ неожиданная и непріятная для русскаго царя и правительства. Правда и у него были завоевательные планы на Балканахъ, но пришлось воевать раньше, чѣмъ войско было готово. Германія, пользуясь своей силой, объявила войну Россіи, послѣ того, какъ Россія отвѣтила мобилизаціей на объявленіе войны Австріей Сербіи. Эта война поставила правительство въ выгодное положеніе, такъ какъ во первыхъ, войну дѣйствительно начала Германія, во вторыхъ, правительство будто бы «благородно» выступило на защиту угнетенныхъ національностей—Бельгіи, Сербіи, Польши, въ союзѣ съ демократическими государствами Англіей и Франціей. Но общество не долго поддавалось обману: если правительство борется за свободу, то оно прежде всего должно дать Россіи свободу, а вмѣсто этого были изданы особые карательные законы противъ стачекъ и всякихъ рабочихъ движеній. Правительство пользовалось войной, чтобы, призывая общество «забыть всѣ раздоры», въ тоже время, путемъ введенія военнаго положенія и злоупотребленія военной цензурой бороться со всякимъ общественнымъ начинаніемъ. Между тѣмъ за краткимъ военнымъ успѣхомъ послѣдовали военныя неудачи. Война была непріятна для правительства; для русскаго самодержавія былъ чрезвычайно выгоденъ союзъ съ Германіей; еще въ 1905 г. пра-

вительство готово было обратиться къ императору Вильгельму II для усмиренія революціи. Правительство ведетъ двойную игру: приходилось продолжать непріятную войну, договоръ съ союзниками мѣшалъ заключить сепаратный миръ. Министръ Сухомлиновъ, а позже Штюрмеръ были обличены въ предательствѣ.

Дѣла на войнѣ шли худо, не было снарядовъ, было разстроено снабженіе продовольствіемъ, начались пораженія. Правительство не умѣло пользоваться первыми побѣдами. Когда была занята Галиція, вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе населенія, которое дѣйствительно тяготѣло къ Россіи, правительство стало навязывать населенію православіе и русскій языкъ. Тогда даже четвертая, послушная Государственная Дума заговорила другимъ языкомъ, особенно, небольшая группа соціалистовъ. Часть депутатовъ соціалъ-демократической партіи была осуждена подъ предлогомъ противодѣйствія войнѣ и сослана въ Сибирь—Государственная Дума требовала ихъ возвращенія, но правительство не слушало этого требованія. Снова начались гоненія на инородцевъ—съ Польшей теперь заигрывали, обѣщая ей независимость, зато со всей силой обрушились на евреевъ; цѣлый народъ обвинили въ измѣнѣ и стали опять травить. И вотъ 4-ая Государственная Дума, созванная по закону 3-го іюня, но состоящая все же въ значительной части изъ честныхъ, патріотически настроенныхъ людей, которые были искренно озабочены обороной страны, вступаетъ въ борьбу съ правительствомъ. Конечно, особенно горячо протестовали лѣвые—трудовики и оставшіеся соціалъ демократы съ соціалъ-революціонеромъ Керенскимъ и соціалъ-демократомъ Чхеидзе во главѣ. Государственную Думу нѣсколько разъ распускали, но созывали снова. Въ Думѣ образовывается «прогрессивный блокъ», объединяются всѣ партіи, кромѣ самыхъ правыхъ—черносотенцевъ и самыхъ лѣвыхъ — соціалистовъ. Этотъ прогрессивный блокъ выдвигаетъ впередъ тре-

бованіе реформы—реформы очень умѣренной—только министерства, составленнаго изъ общественныхъ дѣятелей, пользующихся довѣріемъ народа—но даже на это правительство не шло. Чхеидзе и Керенскій отъ имѣни лѣвыхъ говорили правительству, что настанетъ время, когда народъ возьметъ дѣло въ свои руки, они указывали и прогрессивному блоку, что народъ поднимется, что, только опираясь на народныя массы, можно достигнуть чего либо. Эти слова сбылись: послѣ рабочихъ движеній, которыя хотѣли усмирить, посылая бастовавшихъ рабочихъ насильно на фронтъ, послѣ того какъ правительство мѣняло министровъ какъ пѣшекъ, послѣ того какъ стало ясно, что въ этомъ правительствѣ находятся измѣнники, послѣ того какъ вся власть находится въ рукахъ случайныхъ царскихъ любимцевъ, что страной правитъ грязный проходимецъ «старецъ» Распутинъ, возмущеніе проникло во всѣ слои. Откровенно протестовала и буржуазія, и духовенство, и аристократія, наконецъ, даже члены царской фамиліи, совершившіе убійство Распутина.

Если бы дѣло кончилось на этомъ—то народъ ничего бы не получилъ, это былъ бы такой же *дворцовый* переворотъ какъ убійство Павла I, и теперь, если бы вмѣсто Николая II—сталъ царствовать другой великій князь, ничего бы не измѣнилось. Послѣ убійства Распутина всѣмъ стало ясно, что нужно устранить самого царя Николая II. Онъ утратилъ всякое обаяніе въ народѣ, возбуждая къ себѣ одно презрѣніе. Всѣ видѣли, что это не добрый, слабохарактерный человѣкъ, какъ думали раньше, а капризный, самолюбивый, жалкій деспотъ, преисполненный сознаніемъ своего непогрѣшимаго «помазаннического» величія.

Нуженъ былъ коренной переворотъ—онъ и произошелъ 27 февраля 1917 года.

Правительство опозорило себя передъ всѣми, доказало свою неспособность управлять страною; продовольственная разруха, которую правительство

было безсильно прекратить, вызвала вначалѣ движеніе на экономической почвѣ, но оно быстро разрослось; интеллигенція, рабочіе—всѣ объединились въ этомъ движеніи и когда присоединились солдаты—то старый режимъ палъ. Солдаты теперь уже поняли, что въ нихъ есть человѣческое достоинство, что они защищаютъ родину, а правительство ее продаетъ и солдаты пришли къ Государственной Думѣ, которая была какъ разъ распущена, и Дума ихъ признала и должна была стать во главѣ новаго строя. Тутъ же образовался Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ и это обезпечило народное движеніе.

Благодаря Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ было окончательно покончено со старымъ строемъ и создались основы новаго демократическаго строя. Временное правительство дѣйствуетъ подъ контролемъ Совѣта Депутатовъ. Само это правительство умѣренное; большинство кадеты, Гучковъ и Львовъ—даже болѣе правые, одинъ Керенскій—соціалъ-революціонеръ, который и вошелъ во Временное Правительство, что бы представлять въ немъ интересы и требованія всей демократіи. Правительство проводитъ демократическую программу—оно обязалось дать странѣ учредительное собраніе, созванное на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, оно является по духу демократическимъ правительствомъ и можетъ быть поддержано народомъ. Въ данный моментъ у насъ въ Россіи демократическій строй, хотя демократическая республика еще и не была торжественно провозглашена; сейчасъ у насъ свобода прошла даже въ армію, даже армія организуется совсѣмъ на новыхъ началахъ. Тѣмъ болѣе мы должны помнить о тѣхъ обязанностяхъ, которыя мы получили вмѣстѣ съ правами—эта обязанность—защита полученной свободы. Учредительное собраніе утвердитъ ее.

Устраивая внутреннюю жизнь страны, мы должны защищать ее отъ внѣшняго врага, для того, чтобы, когда Германія откажется отъ завоевательныхъ за-

дачъ, народы могли заключить прочный, постоянный миръ. Сейчасъ мы переживаемъ трудное время и отъ насъ самихъ зависитъ, какъ мы устроимъ нашу судьбу. Необходимо достичь того, чтобы новая Россія, давая свободно развиваться всѣмъ народамъ, живущимъ внутри ея, не мѣшала жить свободно и народамъ, окружающимъ ее.

Жертвы борьбы за свободу слишкомъ многочисленны и драгоцѣнны, во имя ихъ памяти, мы должны создать подлинно новую жизнь для освобожденной родины.

А. Гизетти.